

Глава 25. Начало. Часть двадцать первая

Яд, которым пытались отравить наследного принца Янь Юя, был изготовлен из смертоносной травы, известной под названием «Цзю Ша». Имя это родилось из мрачного предания: даже если у тебя девять жизней, как у кошки, стоит лишь капле этого зелья коснуться губ — и спасения не будет.

Несмотря на столь зловещую славу, для смертельного исхода требовался порошок, стертый из целого растения. «Цзю Ша» росла лишь в глухих, труднодоступных краях, и во всей огромной столице нашлась лишь одна лавка, где торговали этой редкой травой. И вот теперь стражник шептал Чжоу Це на ухо ошеломляющую весть: тайный покупатель прибыл из дворца Фуюй.

Чжоу Це заставил себя сохранять спокойствие. Понизив голос, он приказал:

— Приведите владельца лавки и его помощника.

Не успел он закончить фразу, как перед ним предстал другой молодой стражник. Почтительно поклонившись, он доложил:

— Письма Лю Юаня доставлены.

Стражник говорил едва слышно, так что супруги Лю, застывшие в ожидании, ничего не разобрали. Чжоу Це опасался, что любые сомнения в подлинности предсмертной записки могут окончательно сломить убитых горем родителей. Подав знак подчиненным присматривать за стариками, он взял сверток с письмами, спрятал его в складках рукава и поспешил в соседнюю комнату.

Плотно закрыв дверь, Чжоу Це разложил бумаги на столе. Всего семь писем. Пять из них уже пожелтели от времени, края их обтрепались, тогда как два последних выглядели совсем свежими. Он принялся внимательно изучать каждый иероглиф, сравнивая начертания.

Затем он достал предсмертную записку. На первый взгляд почерк в ней казался иным, чем в старых письмах.

Минуло около четверти часа, когда в дверь постучали.

— Господин Кан прибыл, — доложил голос из-за двери.

— Просите скорее, — отозвался Чжоу Це.

Вскоре появился почтенный господин Кан, уже перешагнувший порог своего пятидесятилетия. Чжоу Це поприветствовал его и, вновь осторожно заперев дверь, указал на разложенные

бумаги.

— Прошу вас, господин академик, проверьте: одной ли рукой написаны эти письма и записка.

Господин Кан кивнул. Он бережно брал письма по одному, сличал их попарно, подолгу вглядываясь в каждый штрих и нажим кисти. Лишь спустя долгое время он вынес вердикт:

— Всё это написано одним человеком. Почерк немного менялся — сказывались и качество бумаги, и густота туши, и, несомненно, душевное состояние писавшего.

— Вы уверены? — Чжоу Це посуровел, его ладони слегка увлажнились от напряжения.

— Уверен. Ошибки быть не может.

— Благодарю за помощь, господин Кан. — Чжоу Це лично проводил академика до выхода и приказал стражнику сопровождать его карету до самого дома, чтобы обеспечить полную безопасность.

Проводив карету взглядом, Чжоу Це уже собирался вернуться, но не успел сделать и десяти шагов, как к нему подбежали:

— Господин, аптекарь и его подручный здесь.

Обернувшись, судья увидел двоих незнакомцев. Заметив на Чжоу Це официальное чиновничье платье, они преисполнились трепета и в один голос произнесли:

— Приветствуем господина главу приказа.

Чжоу Це отвел их в укромное место и прямо спросил:

— Человек из дворца Фуюй покупал у вас «Цзю Ша»?

— Эту сделку совершил я, — дрожащим голосом ответил лавочник. — Господин, неужели случилось что-то дурное?

Случилось. Это зелье едва не стоило жизни наследнику престола! Но вслух Чжоу Це сказал лишь:

— Откуда тебе известно, что покупатель был именно из дворца Фуюй?

— Я... я видел жетон у него на поясе. На нем были отчетливо вырезаны иероглифы «Дворец Фуюй», — аптекарь был охвачен ужасом. — Неужели этот человек кого-то убил?

Жетон? Снова этот злополучный жетон! Полгода назад мать Лю Юаня тоже твердила, что видела эмблему дворца Фуюй.

Обе эти нити вели к тайным делам, которые не должны были оставить и следа. Если за всем этим действительно стоял Янь Сюнь, то его люди, несомненно, были доверенными и опытными мастерами. Как же они могли допустить столь нелепую оплошность? И не один раз, а дважды?

Был ли это непростительный просчет подручных Второго принца, или же кто-то намеренно подставил его, умело разыграв спектакль с переодеванием?

Как бы то ни было, теперь все улики, словно стрелы, указывали в одну сторону — на Янь Сюня.

Видя, что судья помрачнел и хранит молчание, аптекарь затрясся всем телом и едва нашел в себе силы пролепетать:

— Господин... можем ли мы идти?

Чжоу Це вперил в него пронзительный взгляд.

— Ты точно видел? Иероглифы на жетоне были именно такими?

— Клянусь, я не мог ошибиться, — лавочник закивал с неистовой силой.

Стоявший рядом юнец лет восемнадцати добавил:

— Я в тот момент как раз подметал у порога. Тоже глянул на жетон того человека — точно, дворец Фуюй.

Чжоу Це на мгновение задумался.

— Раз вы знали, что «Цзю Ша» — смертельный яд, зачем вообще держали его в лавке?

— Хоть это и яд, но в малых дозах он помогает от чахотки, — пояснил аптекарь. — Потому я и выкупил одну корягу у заезжего торговца.

— Понятно, — выражение лица Чжоу Це немного смягчилось. — Прошу вас, господа, следуйте за мной во дворец.

Услышав это, оба лекаря замерли, лишившись дара речи.

Чжоу Це уже имел аудиенцию у императора Вэнь-ди, и тот наделил его правом действовать по обстоятельствам. Если истинным виновником был Янь Сюнь, то и награда в десять тысяч лянов, подброшенная родителям Лю Юаня, и покупка яда — всё это дело рук его людей. Раз они были столь неосторожны, что выставили жетоны напоказ, значит, они и не подозревают, что их раскрыли.

В таком случае не стоило вызывать Янь Сюня на официальный допрос в Дали-сы — это лишь спугнуло бы его. Разумнее было сразу привести чету Лю и аптекарей во дворец для прямого опознания тех, кого они видели.

По приказу Чжоу Це стражники подали карету, и судья вместе со свидетелями отправился в Запретный город.

***

В то же самое время Сяо Юэбай и Янь Сюнь неспешно обедали. Сюнь подцепил палочками аппетитный креветочный «жемчужный» шарик и поднес его к губам Сяо Юэбая.

— Учитель, попробуйте. Очень вкусно.

Сяо Юэбай с улыбкой принял угощение. Заметив, что к подбородку юноши прилипла крупинка клейкого риса, он подался вперед и мягко убрал её кончиком пальца.

— Ваше Высочество, вы словно дитя. Стоило съесть один шарик, как подбородок уже в рисе.

Эти шарики готовились с особым тщанием: нежный креветочный фарш смешивали со свежим мясом, скатывали в маленькие сферы и обваливали в сыром рисе, после чего томили на сильном пару до готовности.

Янь Сюнь недовольно надулся.

— Учитель, за что вы меня дразните?

С этими словами он подхватил рисинку с другого шарика и, не скрывая лукавства, прилепил её прямо на лоб Сяо Юэбаю.

— Учитель, вы точь-точь как младенец! — рассмеялся он, захлопав в ладоши. — Всего один кусочек — а лоб уже в рисе!

В этот миг взгляд Янь Сюня был настолько живым и искристым, а черты лица — столь изысканно-прекрасными, что сердце Сяо Юэбая пропустило удар. Он незаметно перевел дыхание и, не в силах сдержать нежной усмешки, проговорил:

— Ваше Высочество, это нечестно.

<http://bllate.org/book/17467/1696811>